

Глава 2

Самозванец

— Вот ты не видишь ничего своим соленым глазом, а я тебе как на духу говорю: то не форель была, не форель!

— А что же? Щука, что ли? — Одноглазый закончил поправлять невод и уселся на бревно рядом с приятелем.

— Да какая щука! Осетр, не иначе!

— Я, может, и вижу плохо, но соображаю еще пока. Откуда ж в наших краях осетр! Из Вавилона, скажи еще, доплыл.

— А может, и из Вавилона. Заблудился и приплыл. Да какой толк об этом говорить теперь, раз все равно уплыла рыбка! Ты бы закрепил свою часть лучше — она бы не ускользнула.

— Ты мне еще скажи, что вон там тоже осетр.

На горизонте и вправду появилось что-то покачивающееся на волнах.

— Эта тварь побольше! Погоди-ка... то мертвечина, может, какая — что-то хвостом не машет. Пузом кверху дрейфует. Прямо на нас!

Рыбаки на время перестали переругиваться и впились всеми тремя глазами в одну точку. Непонятное

существо не шевелилось, а только покорно приближалось к берегу, подталкиваемое пинками невысоких волн.

— Больно оно пузатое, Алешич! И голова где? Переплут откусил? — Рыболов привстал и хохотнул своей шутке: — Да не рыба это, Алешич.

— А что?

— А кто ж его знает! На бочку похоже. Течением на север сносит. Пойдем посмотрим, куда вынесет.

Сети были оставлены без присмотра, а рыболовы вернулись к своему любимому занятию, в котором они преуспели больше всего остального, — спору. Теперь ругались из-за того, что в бочке.

— Так я ж тебе говорю: не будет она плыть с вином! Только если его там мыши наплакали. Тебе, Глебыч, везде горячительное мерещится.

— Ну то, может быть, корабельный шкаф с пайком. Тоже — чем плохо!

— Мясо, мясо было бы там! Конина бы вяленая или что-то копченое!

— Ну какое мясо, Алешич! Мясо в других бочках возят, эта смотри какая огромная — там целого барашка перевезти можно! Вино там, зуб даю! Хотя тебе глаз сильнее бы пригодился. — Глебыч довольно хмыкнул своей шутке и поймал на себе твердый взгляд товарища по рыбной ловле.

— Будешь много шутить — скоро сам чего-то лишишься, бестолочь. Давай так: если там еда — она моя, а коли вино — сам тащи, добыча твоя.

— Алешич, что ты такой обидчивый? Сварог видит, не со зла я. А делить все поровну придется — не ты ли потом ко мне угощаться придешь? И не меня ль твоя жена потом на трапезу звать будет?

Бочку вынесло на песчаную отмель и пригвоздило к суше. Размера она и вправду была исполинского.

— Ну все, приплыли! — Рыбаки окружили бочку и попробовали откатить ее подальше от воды. Ничего не получалось. Простукивание не сильно обрадовало Глебыча.

— Твоя взяла — не вино там! Может, и барашек али конина. Вскрывай давай, раз такой прозорливый!

Крышка была обмотана пеньковой паклей, однако концы были просто вымазаны смолой, а не скреплены цветной восковой пломбой с гербом княжества, какая бывала на любом судоходном грузе. С трудом справившись с веревкой, они вдвоем навалились на локоть палки, приставленной острым концом к крышке, кивнули друг другу и одновременно рванули что было силы. Через мгновение они уже валялись на мокром песке, а дощатый кругляшок катился вдоль берега, теряя водоросли. Остановился он под копытами коня, на котором гарцевал начальник береговой охраны. Следом за ним тянулась целая вереница разодетых вооруженных всадников.

— А ну живо встать! — рявкнул стражник, опуская свои начищенные до блеска сапоги на зернистую отмель. — Приказ дан всем — а ну исполнять!

Испуганные рыболовы, извалянные в песке, резко вскочили и вытянулись в две балалаечные струны. Они старались не двигаться, только кадыки шевелились от сглатываемых комков слюны. Начальник стражи обошел их кругом, осмотрел с головы до пят, недовольно цокнул и перешел к бочке. Взглянув внутрь, он обернулся к Глебычу и Алешичу и спросил:

— А эти что, не просохли еще? Или семья философов?

Рыбаки переглянулись и уставились на командира. Чистый страх в их глазах был разбавлен непониманием. Стражник постучал по дереву бочки и громко скомандовал:

— Подъем — кому говорю! — Из бочки показалась заросшая голова мужчины. Было видно, что ему дурно. Начальник перевел взгляд на рыбаков. — Понятно, что-то задумали. Арестовать всех! — На прощание он пнул выползшего мужчину блестящим сапогом и, не оборачиваясь, вернулся к своей лошади.

Гермес* нервно перебрасывал кадуцей** из одной руки в другую. Обездвиженные змеи, обвившие посох, робко поглядывали на хозяина, пытаясь напомнить, что они живые и им не очень приятно. Наконец он обхватил жезл обеими руками за шарообразный оголовок и отложил в сторону. Он всегда так делал, когда решал непростые задачи. Змеи облегченно переглянулись. Гермес сделал глубокий вдох, поднял глаза на Тарха*** и заговорил:

— Я прилетел стремглав, как только услышал, что мой посланник мертв. Найден убитым в трактире при сотне очевидцев, и никто не знает, чьих это рук дело! Ты утверждаешь, что виновные не наказаны!

* Полубог, сын Зевса и одной из плеяд. В Элладе почитается как бог торговли и путешествий.

** Жезл, обвитый двумя обращенными друг на друга змеями. Его появление в Античности связывали с мифом об Аполлоне и Гермесе. Согласно мифу, Аполлон в знак примирения с братом подарил тому свой волшебный посох.

*** Полубог, сын Перуна и земной женщины. Глава Совета мудрости и правды. Имя при рождении — Дажьбог.

— Мертвым, Гермес, мертвым, а не убитым.

— Он отправлен в царство Аида, и никогда больше мне с ним не пообщаться, как ты не понимаешь! Что мне сказать его семье? «Погиб, честно исполняя мою волю на чужбине»? Его отец — знатнейший вельможа, глава жреческого рода из Дельф, влиянием своим превосходящий ваших вшивых наместников! Как ты думаешь, примет ли он твое бездействие, Дажьбог?

Тарх сощурился и отвернулся к окну. Он терпеть не мог, когда его в лицо называли вторым именем. Так же как и Гермес, он не был чистокровным богом и всякое упоминание своего получеловеческого происхождения встречал резко и болезненно, пусть такой статус и позволял его обладателю обращаться как к Верховным, так и к смертным, не нарушая Главного правила. Для Тарха было очевидно, что Гермес затеял эту пустословную торговлю с какой-то целью. Но с какой? Согласиться с его доводами было равнозначно уступке, которую делать никак не хотелось. Такому уступишь — будешь до скончания времен должен.

— Он обычный делец, сколотивший состояние на оккультных оргиях, не так ли? И весь его авторитет в полисе строится на страхе тех, кто боится огласки. Так что не пугай меня скандалом, Гермес, давай лучше разберемся, что делать дальше. — Тарху стоило значительных усилий держаться спокойно и не уподобляться разгневанному собеседнику.

— Что делать дальше? Казнить парочку Салтановых подданных — в трактире их была добрая сотня. Если не можешь разобраться, кто совершил проступок, — накажи всех. Дамианос был моим ценнейшим посланником и стоил никак не меньше пятисот других голов. Кровная месть и не иначе — другого выхода я не ведаю!

Пока не увижу буянской крови в отместку за моего Дамианоса, не отступлю!

«Какой же ты лживый торгаш! Ты же от вида крови теряешь сознание!» Тарх выругался про себя и медленно перевел взгляд от окна к распахнутым дверям в свои палаты. За ними сновали туда-сюда его люди, трудившиеся в Совете мудрости и правды. Они старательно делали вид, что не слышат и не замечают брани Гермеса. Лишние уши Тарху были не нужны. Он медленно обогнул стол и гостя, подошел ко входу и с грохотом захлопнул двери. Эта короткая, но размеренная прогулка позволила Тарху выиграть время на обдумывание стратегии. Гермес ничего от него не получит, исход игры останется за ним.

— Видишь ли, какой у нас расклад. Я и правда могу приказывать казнить всех, кто был в ту ночь в «Брячине», или заточить их в темницы, чтобы сделать тебе приятное, Гермес. Но мы же оба хотим справедливости? И мои люди ее тоже заслуживают. Не думаю, что рубить сплеча будет верным решением. Как я и говорил тебе не единожды, я сожалею о твоей утрате, и мне ужасно жаль, что Дамианос ушел из жизни здесь, в Буяне. Но давай забудем о чувствах и посмотрим на произошедшее разумно. Я навел справки: наши опричники слыхом не слыхивали о твоём посланнике, значит, Главное правило он не нарушал. Ты же веришь в то, что Дамианос понес наказание за связь с одним из наших богов, так?

Гермес был всецело уверен в этом. Он ждал, что Тарх расскажет ему, как остутился Дамианос, и признается, что буянские кромешники нарушили договоренности между богами Пятимирия и уничтожили грешника-эллинийца, однако сейчас его теория рассыпалась, как волна, ударившаяся о скалу. Глава Совета мудрости

и правды распознал еле различимую нерешительность в глазах оппонента.

— Так что дело в чем-то другом. Ты скажешь, что его ограбили. Какой дурак будет грабить да еще и после убивать в столь людном месте, как думаешь? Любой норд бы сообразил, что привлечет лишнее внимание.

Тарху доставляло ни с чем не сравнимое удовольствие лицезреть мечущиеся зеницы Гермеса. Тот судорожно перебирал в уме доводы, но они были настолько невразумительными, что он не решался их произнести вслух.

— Как мне передали стражи, прибывшие на место смерти, Дамианос осел на стул, его голова запрокинулась, глаза закатились, а изо рта тонкой струйкой потекла кровь. Ран на нем не было. Наши лучшие лекари изучают, не могли ли его отравить. Я бы привлек знатока алхимии, которого Совет розмыслов приглашал за баснословные деньги в наше училище, да его отозвали амитийцы вот уже месяц как, побоявшись, что нам станут известны их важные тайны. В алхимии и ядах Буян не силен, я думаю, тебе это хорошо известно.

Гермес весь сжался и поднял глаза на Тарха. Его самые неприятные опасения, видимо, оказались правдой.

— Помнится, у нас в книгохранилище есть копия эллинистического трактата о ядах пера Теофраста*, если мне не изменяет память. При чтении у меня возникал

*Теофраст (Феофраст, ок. 370 года до н. э. — между 288 и 285 годами до н. э.) — древнегреческий философ, теоретик музыки, один из основателей (наряду с Аристотелем) ботаники и географии растений, родоначальник истории философии.

только один вопрос: сколько людей погибло, чтобы получить это знание? Наверное, достаточно для того, чтобы ему можно было доверять.

Кадуцей снова летал из одной руки в другую. Гермес уже не мог скрыть своего напряжения.

— Мы не знаем наверняка, что произошло. Может, Дамианоса ввели в заблуждение, и он ненароком общался с кем-то из богов Вавилона?! — Гермес решил предложить версию, проверить которую они не могли. Малейший намек на греческий след надо было стереть, причем как можно быстрее. — Они и могли его отравить. Бедный мой Дамианос! Всегда говорил, что с амитийцами этими надо быть осторожным! Где, ты говоришь, его тело? Я бы хотел с ним проститься, перед тем как мальчика передадут семье.

— Да, ты прав, людям нужно быть аккуратнее. — Тарх подошел к Гермесу и примирительно опустил руку на его плечо. — Я расскажу тебе, когда мы что-то узнаем. Понять причину смерти Дамианоса — дело чести для меня.

— В тот вечер вы были в трактире «Брячина». Так ли это?

Княжна Ладимила мерзла в застенках подземной части дворца, где располагались маленькие, будто съжившиеся от вечной сырости комнаты для допросов. Однако тон и взгляды целовальника леденили еще сильнее. Милу допрашивали последней из подруг, и она очень боялась, что запомнила что-то неточно и разногласия в воспоминаниях бросят тень на ее новых знакомых, несмотря на то что ничего запретного они не делали. Княжна чувствовала, что старшина тайного

отдела Совета мудрости и правды, сидящий напротив нее, жаждет не столько истины, сколько власти. И сейчас она была полностью в его руках. Она очнулась от своих мыслей и принялась быстро кивать, подкрепляя свою запоздалую реакцию частотой кивков.

— Да-да, сударь, именно там я и проводила вечер.

— Будьте добры, опишите все, что помните. В общих чертах, но детально, если вас не затруднит. С первого шага, который вы совершили в трактире.

«Он говорит так, будто я сделала что-то дурное. — Мила нервничала, и в голосе целовальника ей мерещились угрозы. — С чего же начать? И насколько детально? А с какой стати я, собственно, переживаю? Мы же просто... мы просто слушали пение Алконост...»

— Мы пришли по приглашению дражайшей девы Алконост. Нас проводили до стола в самом центре зала, и распорядитель отодвинул стул, чтобы я могла сесть.

— Вместе с девицей из Эллады?

— Прошу прощения?

— Вы пришли с гречанкой, Сирин, верно?

— Ах да, если вы это имеете в виду. И встретили в трактире Гамаюн, если это представляется важным.

— Нам важно каждое ваше слово, сударыня. И чем быстрее вы расскажете все, что помните, тем быстрее я смогу вас отпустить. Гамаюн, эта птица, кто она?

— Гамаюн... право, сударь, я знаю ее всего один вечер. Мы познакомились в книгохранилище. Она слушательница в училище. Пожалуй, и все, что я могу сказать.

Целовальник, цокнув языком, повернул голову набок и скосил глаза на писаря, безмолвно строчащего за крошечным столом в углу. Потом опять уставился на княжну.

— Учится, говорите... Женщина? В училище? — Он выпучил глаза и на секунду уставился на свои потрепавшиеся ногти. — Какая чушь! Это она вам такое наплела? Что состоит в училище?

Княжне вмиг стало не по себе. И правда — разве девушкам в Буяне дозволено учиться? Она приняла слова юной Гамаюн на веру, а они могут оказаться обманом. А ведь она совсем не походила на лукавицу.

— Продолжайте, княжна. Столько полезного вскрывается... — Глаза целовальника заблестели от удовольствия.

Сомнения мучили Ладимилу. С одной стороны, она понимала, что должна рассказать все, как помнит, а с другой — чувствовала, что лишнего говорить не стоит. Целовальник так зорко ловил любое изменение в ее лице и голосе, что единственным средством не навредить себе и своим новым подругам могла быть бесстрастность.

— Мы послушали пение Алконост, после чего приступили к яствам. Их перечислить? — отчеканила Мила.

Собеседник покачал головой и жестом дал понять, что она может продолжать.

— После выступления Алконост к нам присоединилась, сменив платье. Мы сидели и беседовали.

— Вчетвером, стало быть?

— Именно так, вчетвером. К Алконост подходили слуги и что-то тихо спрашивали. Насколько я могла расслышать, хоть и не пыталась, их хозяева желали познакомиться с ней, потому что она очень красиво пела и заставила их... заставила их забыть обо всем на свете.

— Подходили только к ней? А к вам?

— Что же подходить ко мне? Я же не выступала. — Мила развела руками и улыбнулась. Конечно же, она понимала, что мужчины хотели познакомиться с Алконост вовсе не только затем, чтобы она им спела.

— Вы не ответили. Подходили только к девице Алконост?

— Да, наверное, только... Нет, не только к ней. К Си-рин, кажется, подходил мальчишка. Но я не помню точно. Знаю только, что она уходила в поисках уборной. Да, вот и все. А потом мы слышали этот вскрик, и я ужасно испугалась.

— Сколько отсутствовала Си-рин? С кем она ходила в отхожее место?

Мила пыталась, но никак не могла вспомнить. Да и потом, она не привыкла думать, сколько времени уходит на естественные потребности, потому посчитала, что это не имеет значения.

— Я была занята разговором с приятными собеседницами и не вела счет времени... Сударь, не знаю, что еще вы хотите от меня услышать, скоро я озябну и не смогу произнести ни слова.

Целовальник хитро переглянулся с писчим, расправил плечи и пробасил:

— Не смею вас более задерживать, сударыня! Вы рассказали даже больше, чем я мог рассчитывать. — Он встал, поклонился и застыл в полусогнутом состоянии, намекая на то, что путь к теплой свободе открыт.

По пыльной решетке, которой было забрано окошко в двери соседней комнаты, ползала жирная муха. После нескольких дерганных движений вдоль металлической жерди она лениво взлетела в поисках чего-нибудь потеплее. Продолговатое узкое помещение венчало небольшое окно под самым арочным потолком, его поверхность тоже была очерчена клеткой чугуна. Из мебели — только рубленый стол и два стула, на одном

из которых сидел, скрючившись, мужчина. Грязная рубаха была вся в следах запекшейся крови, волосы взъерошены, а борода клоками торчала во все стороны. Держаться ровно пленнику мешали не только кандалы, но и ссадины, поэтому он сидел, опустив голову и сгорбив спину. Казалось, в любой момент он может ненадолго перекатиться и упасть на сырой земляной пол. Тишина была столь напряженной, что он слышал жужжание мухи, которая облетела гнутые железные кольца, торчащие из неровной стены, и нацелилась приземлиться на сидящего человека. Даже ей в этих казематах было не по себе от холода.

За спиной пленника лязгнула дверь и через секунду с грохотом захлопнулась. Испуганную муху сдуло сквозняком, другие звуки наполнили темницу. К пленнику приблизился тучный целовальник. Он размеренным шагом обогнул сидящего, примостился на край стола, попав в луч света из высоко расположенного окна, уставился перед собой и громко кашлянул:

— Неизвестный, без разрешения пересекающий границу столицы Буянского царства, Буян-града, в компании подельников посредством плавательного средства без опознавательных знаков, к коим относятся надписи на водной линии и флаг, пытался высадиться на сушу без досмотра, обязательного к прохождению согласно распоряжению Совета поклонения, за подписью царя всего Буяна от Южных до Северных земель славянских, Салтана Великого. В связи с чем задержан и помещен в казематы временного содержания, а сейчас... — Целовальник оторвался от свитка, по которому зачитывал причины ареста, и посмотрел на пленника. — Сейчас, согласно закону о защите граждан Буян-града и введенному в городе Буян-граде режиму охраны царя и жителей

от вновь прибывших, я, целовальник третьего разряда Ерислав Пориславич, служитель Тарха Перуновича в Совете мудрости и правды, буду производить допрос.

Шея мужчины в кандалах напряглась. Он приподнял голову и хрипло произнес:

— Я отказываюсь говорить с кем-либо, кроме царя.

— Молчать! — рявкнул целовальник. — Допрос здесь провожу я, а твое дело — отвечать четко, ясно и по делу, а не перебивать меня, когда тебе вздумается! Меня, наделенного силой слова Тарха, а значит, и самого Перуна! Будешь пререкаться — отправлю в одиночную камеру гнить до Дня милости Овсеня* в лучшем случае да паек назначу самый малый, чтобы сдох там от цинги!

Возмущение разогнало кровь целовальника и заставило его встать и пройтись вдоль шершавой каменной стены взад-вперед. Убедившись, что пленник услышал его слова, он продолжил:

— Так-то лучше! Чужеземцу, да такому грязному и вонючему, нечего делать здесь, в Буяне. А он еще к царю-батюшке просится! Ты на себя посмотри, оборванец! От таких, как ты, Совет поклонения законы издает! Даже без предписаний всяких понятно, что от вас только вони и хвори ждать можно. Мне отвратительна даже мысль о том, что приходится быть в одной комнате с тобой. Но я достаточно милостив и верно служу Совету мудрости и Тарху, а значит, должен предоставить своему старшине твои объяснения. — Целовальник сплюнул в сторону сидящего и отвлекся на муху, возобновившую поиски съестного в окружающей сырости. — Вон, даже муха на тебя садиться

* Бог осени, осеннего солнца.

не думает — до того ты жалок! — Он прицелился и вдавил насекомое в камень, размазав его останки по стене. Отряхнул руки и спросил: — Кому поклоняешься?

— Мое имя Гвидон, и я буду говорить со своим отцом, царем всего Буяна, от Южных до Северных земель славянских, Салтаном Великим. — Пленник выпрямился на стуле, и его глаза, точно демантоиды, заиграли оттенками зелени под лучом света из окна.

Теперь стало понятно, что это высокий, ладно сложенный человек с пронзительным взглядом, однако под грязью и рваньем, в которое он был облачен, рассмотреть молодость было крайне трудно. Целовальник оценивающе посмотрел на него, громко вздохнул, встал и подошел вплотную.

— Таких безумных самозванцев я еще не видел! — Ерислав не мог скрыть веселья, которое вызвали в нем слова узника. Он сощурился и уставился на него, подержал напряжение с минуту, но первым отвел взор — не выдержал напора. Усмехнулся и медленно направился к дальней от двери стене, где в металлических кольцах болталась толстая палка для сложных допросов.

Пока целовальник шел к стене, снимал палку, разглядывал ее и смахивал с орудия пыль, пленник закинул голову назад, очами устремился вверх, куда-то сквозь арки потолка, и тихо заговорил:

— Но тут Мары жрица стонет.

Говорит она: «Утонет

Мальчик в море, коль бастард.

Но в живых оставить рад

Будет сына Чернобог,

Если он по крови тот,

Кто достоин царством править...»

— Прекратить эту чушь! — Ерислав Пориславич замахнулся палкой, но не решился отвесить удар. Он опустил ее пленнику на плечо и медленно провел ею по разорванному сукну до шеи.

Гвидон молчал.

— Я тебе на это тоже сказку рассказать могу, да такую, о которой ты, видимо, и не слыхивал. О чужестранце, который станет смертью нашему царю, знаешь такую? — Он ткнул палкой пленнику в кадык.

— Это домыслы.

— Молчать! Правда или нет — решать не нам с тобой. Им там... — целовальник указал пальцем вверх, — видно лучше. Поэтому закон об охране царя и жителей Буяна от таких, как ты, и приняли. — Ерислав положил палку на стол, глянул на пленника и бросил: — Гнить тебе в казематах, раз отвечать на вопросы противишься. — Он обошел скрючившуюся фигуру и открыл дверь.

Узник повернул голову, насколько позволяли цепи, и быстро заговорил:

— Я понимаю опасения Совета мудрости и правды и знаю, что после долгого путешествия выгляжу как сумасбродный бродяга. Если страх ваш и царя настолько силен, то могу молить лишь об одном: не причините вреда моей матери, она больна, и дни ее сочтены. Позвольте ей, а не мне встретиться с отцом, и пусть он убедится, что я не лгу. А со мной делайте что хотите.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Узким темным сводам коридоров, казалось, не было конца. Мила совсем не помнила, каким из ходов ее вели к противному целовальнику, и на радостях, что ее отпустили, опрометчиво забыла спросить дорогу.

Вереница одинаковых дверей в каменных арках, под-
свеченных тусклыми редкими лампами, — и никого
вокруг. После сырой каморки, в которой ее допраши-
вали, княжне только и хотелось, что поскорее погреть-
ся под лучами теплого весеннего солнца, которыми так
милосердно делился с жителями Буян-града Ярило. Ей
показалось, что где-то вдалеке, там, откуда она пришла,
что-то зашелестело. Звук усиливался, и через несколь-
ко мгновений вырисовалась вполне отчетливая карти-
на в конце тоннеля: двое стражников волокли пленни-
ка в кандалах по истертому до блеска известняку пола.
Все трое громко дышали, клинки стражей бились о сте-
ны, один из служивых сыпал бранными словами, ви-
димо, в адрес скованного цепями бедолаги — неряшли-
вого вида мужчины, чьи ноги постоянно заплетались.
Он время от времени падал, однако опричникам до это-
го не было никакого дела. За издаваемым ими гомоном
они не смогли различить робкий вопрос княжны о том,
как найти выход из этого подземного лабиринта. Ко-
ридор явно не был рассчитан на то, чтобы в нем вольгот-
но разошлись четыре человека, а стражи не ходили
на учтивых людей, поэтому Мила выбрала неглубокую
нишу одной из дверей и вжалась в нее, насколько мог-
ла. Бранящийся опричник, завидев девицу, даже почти
перестал ругаться, заменив непристойные слова про-
тяжными звуками, по которым, впрочем, можно было
легко догадаться, что именно его беспокоит. Поравняв-
шись с Милой, стражники забрали чуть в сторону, не
сбавляя хода. Рукоятка болтавшегося на поясе клинка
зацепилась за пышные складки ее платья, заставив ее
развернуться, и чуть было не потащила вслед за муж-
чинами. Мила испуганно вскрикнула, стражи резко
остановились, а пленник, пытавшийся все это время

попасть в ритм шагающих, отполированных до блеска сапог, от неожиданности уткнулся плечом в спину одного из конвоиров и рухнул на пол. Говорливый стражник выругался и пнул его ногой под ребра. Мила вытянулась вдоль стены и не дыша смотрела на упавшего человека в кандалах. Она не могла отвести глаз от его исцарапанных плеч, боль ран на рассеченной коже словно бы передавалась ей. Она глубоко вздохнула и решила заступиться за несчастного:

— Судари, будьте с ним поаккуратнее! Вы же не звери! — Она попробовала выправить дыхание и подошла к лежащему на полу пленнику. — Вы целы? Мне ужасно жаль, что из-за меня эти доблестные опричники вас уронили.

Пленник поднял взор и посмотрел на чистое лицо Ладимилы. В его зеленых глазах она заметила блеск, которого ни у кого прежде не видела. И в тот момент внутри нее словно разлилось тепло, проникающее во все уголки тела. Это ощущение было настолько странным и новым, что ей стало не по себе. Она отпрянула от лежащего незнакомца, и на ее глазах выступили слезы.

— Вы очень добры ко мне, — прохрипел Гвидон — а это был он. — Храни вас... — Его голос стал неразличим за шумом звякающих кандалов, лязгающих о камни стен клинков и брани опричников.

Выбравшись из бесконечного лабиринта, Мила вдохнула теплый весенний воздух. В нем смешивались запахи цветущих деревьев и травы, нагретых на солнцепеке камней мостовой. В него словно добавили успокоительное, и после пары вдохов юная княжна почувствовала, как тревога сменяется умиротворением. Глаза не привыкли

к свету, поэтому, сложив озябшие пальцы, она козырьком приставила их ко лбу. Она оказалась на незнакомой площади. Странно, ведь заходила в терем Совета мудрости Мила совсем из другого места. Что же, значит, ей снова придется искать путь в свою каморку в стене крепости. Княжна мыслями пронеслась по вчерашнему дню. Загадочный старик, толкотня на пристани, расставание с Добродеей, ослепительный Буян-град, позор во дворце, знакомство с девами-птицами, такими разными и такими добрыми к ней. Мудреные устройства в книгохранилище, бегство от иноземных пьяниц, роскошный трактир и ужасное происшествие. И в довершение всего — открывшаяся ей тайна царского рода, частью которого, увы, ей не стать. Буян-град показывал себя Миле со всех сторон, дразнил своей красотой и мастерски расставлял ловушки.

Путешествие по недавним воспоминаниям прервал знакомый голос. Ее звала Гамаюн. Обойдя раскидистый куст цветущего миндаля, княжна увидела трех своих новоиспеченных знакомиц: Алконост, Сирина и Гамаюн сидели на краю фонтана — подарка Буян-граду от амитийского царя. Поднявшись, девы поочередно обнялись с Милой и остались стоять в тени благоухающего дерева. Алконост, казалось, была рада встрече больше всех.

— Вот мы и снова вместе, девицы! Как ты, Мила? Тоже от тревоги уснуть не получилось? Я не могу: только сомкну глаза — в голову кошмары лезут. И не выспалась совсем. Утром желудей заварила покрепче — так у меня чуть глаза на лоб не вылезли! Теперь до Купалы, глядишь, не усну!

Алконост заливисто хохотала, и по лучезарности ее было сложно предположить, что она глубоко переживает вчерашнее событие. Гамаюн, напротив, была

бледнее бледного, губы плотно сжаты, а веки налиты грустью. Мила вспомнила о словах целовальника про учебу, но решила отложить этот разговор до того момента, когда они останутся наедине. Переведя взгляд на Сирина, княжна принялась внимательно ее изучать. Задумчивость, казалось, делала лик девицы еще краше, создавала томную загадку, которую хотелось разгадать во что бы то ни стало.

— Вы не представляете, как я рада встретит вас после этого сырого подвала! — Мила еще раз обнялась со всеми подругами по очереди. — Вчерашний день был настоящим испытанием, и я не устану повторять, что если бы не вы, то, возможно, не дышать мне сегодня пылью этих цветов. — Она погладила изогнутую ветвь цветущего миндаля. — Как будто, встретив каждую из вас, я получила возможность менять судьбу, уготованную мне богами. Да не сочтут Перун и Макошь мои слова за неповиновение!

— Мила, ты чище горного озера! За что бы матушка Макошь была так с тобой несправедлива? Это все происки Мары да Чернобога — они вечно лучшим досаждают! — Алконост нежно провела рукой по лбу княжны и убрала ей прядь волос за ухо. После исподлобья, почти заговорщицки оглядела подружек. — У меня к вам предложение. Давайте, пока не уляжется шумиха вокруг вчерашнего... вчерашней смерти, обещаем друг дружке держаться вместе, встречаться каждый день. А, как вам? Думаю, вам, как и мне, было не по себе от общения с этими целовальниками. — Алконост скорчила гримасу, изображая старшину тайного отдела. — «Что вы делали в этом злачном месте? И сколько гривен вы за это получили?» Нахал, твое какое дело?

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

